

Глава 18. Разные взгляды

Тун Цзяо спешно поднялась на второй этаж. Отыскав нужный кабинет, она толкнула дверь и вошла. За столом, уставленным ещё дымящимися блюдами, сидел мужчина в строгом западном костюме. Он задумчиво смотрел в окно, явно поджидая гостью, — именно поэтому она так отчаянно спешила.

— Минда, прости, пожалуйста! Сегодня репетиция затянулась. Я так спешила, но всё равно опоздала, — виновато произнесла Тун Цзяо.

Мужчина обернулся. Он посмотрел на вошедшую с глубокой, нескрываемой нежностью. Это был не кто иной, как Цянь Минда — тот самый человек, о котором днём толковали Лу Шэн с друзьями.

— Цзяо-цзяо, ну к чему эти извинения? Я и сам едва пришёл. Разве что с горячим поторопился — боюсь, всё уже немного остыло.

Тун Цзяо грациозно опустилась на стул напротив.

— Вовсе нет, сейчас как раз в самый раз, — она окинула взглядом ломящийся стол и мягко улыбнулась. — К тому же ты выбрал именно то, что я люблю. Спасибо тебе, Минда.

Цянь Минда тепло улыбнулся.

— Ну-ка, попробуй вот это, — он бережно переложил сочный кусочек рыбы в её пиалу. — Помню, как в Европе ты то и дело вздыхала по нашей цзяньнаньской рыбе. Налегай, сегодня можешь не скромничать.

— М-м, объедение! — Девушка не стала жеманничать и сразу отправила кусочек в рот. Мякоть оказалась нежнейшей, тающей на языке, и, что самое приятное, повар убрал абсолютно все косточки.

На душе у Тун Цзяо потеплело. Не замечать искренней заботы Цянь Минда было невозможно, однако ответить ему взаимностью она пока не могла. Следовало объясниться сразу, чтобы не давать ложных надежд. Девушка медленно отложила палочки.

Заметив это, мужчина удивлённо спросил:

— Почему ты не ешь? Не по вкусу?

Тун Цзяо покачала головой:

— Нет, всё очень вкусно. Просто... ты так добр ко мне, Минда, что я даже не знаю, как тебя отблагодарить. И там, за границей, после отъезда Лу Шэна... Стоило мне столкнуться с трудностями, как ты тут же приходил на помощь. Если бы не ты, вряд ли я смогла бы продержаться на чужбине так долго.

Цянь Минда на миг замер. Затем он мягко улыбнулся с глубоким чувством:

— Цзяо-цзяо, мне не нужны твои благодарности. Ты ведь знаешь, я делаю это по собственной воле.

Он потянулся через стол и осторожно накрыл её ладонь своей.

— Минда, прости... Я... я пока не могу принять твои чувства.

Тун Цзяо мягко, но решительно высвободила руку. Ощувив внезапную пустоту, мужчина не сумел скрыть нахлынувшей горечи:

— Цзяо-цзяо, неужели ты до сих пор думаешь о Лу Шэне? Он ведь уже женился! Зачем ты так отчаянно за него цепляешься?

Услышав слова, задевшие её за живое, Тун Цзяо даже не смутилась.

— Минда, ты не понимаешь, — твёрдо произнесла она. — Я люблю его, а он любит меня. Ради моей мечты он ждал меня столько лет, а теперь вдруг взял и женился, даже ни о чём не предупредив! Я не могу с этим смириться. Сам он пошёл на этот шаг или его заставили — я должна встретиться с ним и во всём разобраться. И пока я не получу ответов, мы не сможем быть вместе.

Цянь Минда невольно сжал кулаки под столом.

— Но ты ведь незамужняя девушка, — осторожно возразил он. — Негоже тебе самой искать встречи с женатым мужчиной. Если пойдут слухи, твоё доброе имя пострадает.

Тун Цзяо вдруг звонко рассмеялась. Слегка вскинув голову, она весело ответила:

— Минда, и когда это ты успел стать таким консерватором? Времена-то изменились! Даже мои родители не станут меня за это корить, а ты вдруг уцепился за пыльные догмы. Зря, получается, столько лет за границей провёл?

Мужчина натянуто улыбнулся.

— Я ведь просто переживаю за тебя, глупенькая. Не хочу, чтобы тебе причинили боль. Давай поступим так: я сам договорюсь с Лу Шэном о встрече.

— Спасибо, но я и сама могу...

— Цзяо-цзяо, позволь мне помочь. — Цянь Минда посмотрел на неё с такой обезоруживающей нежностью, что устоять было невозможно. Любое женское сердце дрогнуло бы под этим взглядом, и Тун Цзяо не стала исключением. Помедлив, она согласно кивнула.

Увидев её кивок, Цянь Минда мысленно перевёл дух. В памяти его невольно всплыли те дни за границей, когда он вызвался помогать ей забирать почту. Желая знать, как продвигаются её отношения с Лу Шэном, он тайно вскрывал каждое приходящее письмо. Читал, аккуратно запечатывал обратно клеем — так искусно, что Тун Цзяо ни разу ни о чём не заподозрила.

То последнее письмо, полученное от Лу Шэна, было предельно кратким. Суть сводилась к одному ультиматуму: если Тун Цзяо не вернётся в ближайшее время, он женится.

Едва пробежав глазами те строчки, Цянь Минда принял решение. Он тайно сжёг письмо и не проронил ни звука. Лишь спустя какое-то время он ненавязчиво упомянул в разговоре, будто получил весточку от цзяньнаньских знакомых: Лу Шэн уже женился.

Известие едва не довело Тун Цзяо до безумия. Она порывалась немедленно уехать на родину, но он сумел её удержать. Минда всеми силами убеждал девушку взглянуть правде в глаза: даже если она вернётся прямо сейчас, свершившееся не исправить, зато внезапным отъездом она подставит оркестр, разом перечеркнув плоды многолетних трудов.

Благодаря его бесконечным утешениям и изнурительным репетициям девушка мало-помалу оправилась от удара и на время оставила мысли о возвращении. Именно тогда Цянь Минда начал настойчиво за ней ухаживать. И лишь когда гастроли завершились триумфом, а сам он получил диплом, они — окрылённые успехом — наконец вернулись на родину.

— Пожалуй, так действительно будет лучше, — тихо произнесла Тун Цзяо. — На самом деле я вовсе не такая сильная, какой хочу казаться. Хотя я и вернулась, но совершенно не представляю, как смотреть ему в глаза. Я просто не готова. Но если ты поможешь мне организовать эту встречу, возможно, я обрету нужную смелость.

Цянь Минда понимающе кивнул:

— Не волнуйся, я выберу подходящий момент и позову его. Но не прямо сейчас. Сначала тебе нужно прийти в себя и собраться с духом, чтобы встретить его лицом к лицу.

Девушка благодарно взглянула на него и кивнула.

Вспышка молнии с треском разорвала небеса, и сокрушительный удар грома сотряс крышу здания. Посетители ресторана, сидевшие у окон, тут же принялись выглядывать на улицу.

Тун Цзяо тоже перевела взгляд на стекло:

— Надо же, ливень расходится всё сильнее.

— Не переживай, я отвезу тебя домой.

Тун Цзяо слабо улынулась. Скользнув взглядом по залитой дождем улице, она вдруг заметила одинокую фигуру под козырьком дома напротив. Это был мужчина в белом ципао. Из-за расстояния разглядеть его лицо было невозможно, но то, как сиротливо он жался к стене посреди бушующей стихии, невольно приковывало взгляд.

Цянь Минда проследил за её взглядом и тоже прищурился:

— Стоять на таком пронизывающем холоде... Должно быть, ждёт кого-то.

Тун Цзяо на мгновение задумалась. И правда: зачем ещё мерзнуть под ледяным дождём вместо того, чтобы поспешить к тёплому очагу?

— Должно быть, этот кто-то ему очень дорог, — негромко произнесла она.

Глядя на разыгравшуюся бурю, Се Нань уже горько раскаивался, что не велел водителю подождать его. Возвращаться пешком под стеной воды означало промокнуть до нитки. Он поднёс озябшие ладони к губам, согревая их дыханием, и быстро потер друг о друга. Зима в Цзяньнани действительно выдалась на редкость промозглой и пронизывающей.

Тем временем Лу Шэн в тёплом зале осушал чарку за чаркой. Сегодня на душе у него было на редкость легко. Наконец-то выпал случай встретиться со старыми друзьями и выговориться, сбросить с плеч копившуюся тяжесть. Обрадованный этим облегчением, он незаметно для себя перебрал лишнего.

Хмель приятно туманил разум, тело расслабилось, а мысли сделались на удивление прозрачными и чистыми.

— Ладно, Шэн, время позднее, пора и честь знать, — заговорил Ли Тецзюнь. Из всей компании он пил меньше всех и держался крепче остальных.

Рядом вовсю буянил в стельку пьяный Сун Хуа, требуя продолжения банкета:

— Наливай! Ещё по одной! Сегодня гуляем до утра!..

Видя, что и Лу Шэн уже едва держится на ногах, Тецзюнь поспешил пресечь эти порывы. Тащить на себе сразу двух нетрезвых товарищей он бы просто не смог, а потому уповал на то, что старший молодой господин сохранил хоть каплю рассудка и сумеет добраться до дома на своих двоих.

Лу Шэн согласно кивнул и резко поднялся с места:

— Ладно. На сегодня... закончим.

Бросив короткую фразу, он развернулся и упрямо зашагал к выходу. Ли Тецзюнь обречённо вздохнул. По этой натянутой манере держаться сразу становилось ясно, что товарищ пьян в стельку. У Лу Шэна была редкая привычка: хмелея, он до последнего сохранял невозмутимый вид, и лишь по едва заметной покачивающейся походке можно было догадаться, каких усилий ему стоит бороться с головокружением. Поистине удивительное упрямство.

Се Нань потерял счёт времени. Сперва он упрямо стоял под дождём, затем прислонился к косяку, а под конец, окончательно выбившись из сил, просто опустился на деревянный порог. Посетители кабака сменяли друг друга шумными гурьбами, но Лу Шэна среди них не было.

«Неужели они передумали и ушли в другое заведение?»

Эта мысль уже начинала казаться самой правдоподобной.

Решив не гадать попусту, Се Нань поднялся, взял прислонённый к стене зонт и раскрыл его над головой. Стоило войти внутрь и расспросить хозяина. Если Лу Шэн действительно здесь, можно со спокойной душой продолжить ждать; если же нет — придётся искать дальше. Семья Лу была невероятно влиятельна, так что управляющий наверняка знал старшего молодого господина в лицо.

Однако едва он подошёл к дверям, как те распахнулись и на порог ступил Лу Шэн.

—...

— Матушка велела встретить тебя и забрать домой.

Се Нань протянул ему один из раскрытых зонтов.

Шедший следом Ли Тецзюнь при виде Се Наня облегчённо выдохнул:

— Ну слава богу! Шэн пьян в стельку. Внешне, конечно, марку держит, но в голове у него уже полнейшая каша. Хорошо, что ты пришёл, а то я ума не приложил бы, как тащить его домой.

Се Нань нахмурился, оглядывая стоявшего перед ним мужчину. На лице того не отражалось ни тени хмеля.

«И этот человек действительно пьян?»

— Ну, мы пойдём, — махнул рукой Ли Тецзюнь и, поудобнее взвалив на плечо обмякшего Сун Хуа, двинулся к выходу.

— Пойдите, — окликнул его Се Нань. — На улице ливень стеной, возьмите зонт.

Ли Тецзюнь обернулся, принял из его рук промасленный бумажный зонт и благодарно кивнул:

— Спасибо, выручил.

Бредя под проливным дождём со спящим Сун Хуа на плече, Ли Тецзюнь невольно подумал, что женитьба на муже-супруге, возможно, стала для Лу Шэна величайшим благословением.

Сидевшие наверху Цянь Минда и Тун Цзяо тоже рассудили, что время позднее, и решили завершить ужин. Но стоило им спуститься в холл, как Се Нань, поддерживая захмелевшего Лу Шэна, уже скрылся в дождевой пелене. Четыре судьбы разминулись всего в нескольких шагах друг от друга, так и не встретившись.

— Твою мать, ну и туша! Откуда в тебе столько весу? — тяжело отдуваясь, ворчал Се Нань, пытаясь удержать равновесие под весом навалившегося тела.

Кто же знал, что этот упрямец, казавшийся в кабаке вполне собранным, едва ступив за порог, окончательно обмякнет и повиснет на нём безвольным грузом. Се Нань тут же согнулся под этой ношей. Мало того, в затуманенной голове Лу Шэна ещё теплилось понимание, что за ним пришёл его муж-супруг. И стоило этой мысли укрепиться, как пьяный барин принялся вовсю распускать руки: то норовил притереться губами к мокрой щеке, то покусывал чувствительную мочку уха, то шарил ладонями по талии и груди Се Наня. А под конец и вовсе потянулся расстёгивать узелки на его воротах.

Он со злостью шлёпнул наглеца по ладони.

— Да угомонись ты, твою мать! — в сердцах выругался он. От злости его лицо сделалось темнее грозового неба.

Ему ещё никогда не приходилось возиться с пьяными. Мало того что он проторчал полночи на пронизывающем зимнем ветру под проливным дождём, так теперь его ещё и лапает этот нетрезвый дурак. Тут у любого святого лопнуло бы терпение.

— Это ещё почему? Ты... ты мой муж-супруг! Я, Лу Шэн... ик... взял тебя в дом при всём честном народе, по всем правилам! С какой стати мне тебя не трогать? Хочу и буду!.. — заплетающимся языком пробормотал тот, обдав лицо Се Наня густым перегаром.

И, подтверждая свои слова, он упрямо прильнул губами к мокрой шее Се Наня. Какое-то время они нелепо топтались на одном месте прямо посреди разбушевавшейся стихии.

Се Нань лишь скрипнул зубами. Кое-как стерев с шеи слюну, он решил больше не обращать внимания на новые поползновения пьяного. Очевидно, что пока они не доберутся до особняка, любые попытки призвать того к порядку будут бесполезны. Препираться — только время терять, а оставаться на ледяной улице лишнюю минуту не было никаких сил.

Белый праздничный костюм Се Наня за долгий день суматохи изрядно потемнел, а подол был сплошь заляпан грязью и брызгами. Вокруг шумел глухой, нескончаемый ливень.

Се Нань вдруг негромко рассмеялся:

— Лу Шэн, а ведь забавно... Почему я вечно тащу тебя на себе? В первый раз ты был ранен, сейчас — пьян без памяти. Интересно, каким окажется третий?

Лу Шэн, самозабвенно ластившийся к чужому плечу, вдруг замер. На мгновение в его взгляде промелькнула удивительная, кристальная трезвость. Он чуть склонил голову и горячо прошептал прямо в ухо Се Наню:

— В третий раз... в третий раз я сам понесу тебя. Хочу всю жизнь носить тебя на руках.

— Глупый ты, Лу Шэн... — Се Нань грустно улыбнулся. — Я ведь прекрасно знаю, что у тебя на душе. Только мы двое... Эх, да что толку говорить, всё равно не поймёшь. Нам ведь мешает не только то, как по-дурацки начался наш брак. Между нами слишком много других преград.

— Слишком много?.. Чего именно?

— Послушай, ты действительно пьян или придуливаешься? — Се Нань коротко усмехнулся. — Не вздумал ли ты разыграть этот спектакль, чтобы вытянуть из меня признание?

— Признание?.. Какое признание?.. Ик!

Се Нань вздохнул и упрямо потащил его дальше по темной улице:

— Впрочем, скрывать мне нечего. Между нами лежит пропасть — разные взгляды на мир, на жизнь, на ценности. Мы ведь выросли в совершенно разных мирах, получили разное воспитание. Мы не понимаем и вряд ли когда-нибудь до конца поймём друг друга. Из такого союза ничего путного не выйдет. А если жить через силу, ломая себя, то какой во всём этом смысл?

Он осторожно коснулся мокрого от дождя лица Се Наня ледяными пальцами. Обернувшись, Се Нань встретился с лихорадочно блестящим взглядом Лу Шэна:

— А ты... ик... объясни, чего именно я не понимаю? Расскажи мне, я всё приму! Клянусь, приму... Только скажи, и мы сможем быть вместе.

— Тебе ведь уже двадцать восемь лет, взрослый мужик, а рассуждаешь как малое дитя, — Се Нань негромко рассмеялся, списав всё на алкогольный бред.

Однако пока они шли, в его мыслях одно за другим начали всплывать воспоминания о том, как Лу Шэн раз за разом приходил ему на помощь, оберегал его и поддерживал во всех начинаниях. Разве это не было проявлением того самого, подлинного понимания?

Управляющий Лу давно спал. Дверь им открыла дежурившая в прихожей служанка, Сяо Цзюй.

— Старший молодой господин! — испуганно пискнула она при виде промокших господ.

— Ступай в купальню и вели нагреть воду, — распорядился Се Нань. — Старший молодой господин пьян в стельку, нужно смыть с него эту грязь.

— Сию минуту! — Сяо Цзюй испуганно кивнула и бросилась выполнять поручение.

Се Нань, кряхтя, поудобнее перехватил Лу Шэна и потащил его в сторону Павильона у воды.

В их покоях вовсю горели светильники. Сяо Цзюй, только что закончив возиться с водой, вышла навстречу Се Наню, который как раз втаскивал Лу Шэна в комнату. Служанке хватило одного взгляда на представшую картину, чтобы она густо покраснела.

— Да чтоб тебя... Хватит брыкаться, мешок с костями! А ну затихни! — тяжело дыша, ворчал Се Нань, пытаясь утащить сопротивляющегося мужчину вглубь комнаты.

Однако Лу Шэн, казалось, бредил лишь близостью своего мужа-супруга. Пуговицы-узелки на белом ципао Се Нань были сорваны, тонкая нательная рубаша порвана у самого ворота, и от прикосновения прохладного воздуха к обнажённой груди он покрылся мелкими мурашками.

Сяо Цзюй, ставшая невольной свидетельницей столь откровенной сцены, поспешно отвела глаза — смотреть на такое благовоспитанной девушке было совершенно непозволительно.

Се Нань бессильно потёр лоб и устало бросил:

— Сяо Цзюй, ступай к себе. Мы сами справимся.

— Да, ухожу! — поспешно пискнула служанка и пулей вылетела из спальни, сообразив плотно прикрыть за собой тяжёлые двери.

— Да угомонись ты наконец, горе луковое! — проворчал Се Нань, пытаясь отцепить от себя чужие руки. — Сначала отмою тебя как следует, а потом брыкайся сколько влезет.

— Спать... — невнятно замычал Лу Шэн. — Хочу спать...

—...

— С тобой хочу спать...

—...

Когда Се Нань наконец отмыл своего непутёвого супруга и перетащил его на постель, ночь уже давно перевалила за полночь. Едва почувствовав под собой мягкую перину, Лу Шэн мгновенно забылся глубоким, хмельным сном.

Се Нань наконец-то смог облегчённо перевести дух. Бедолага умаялся за этот безумный вечер, а его одежда, насквозь пропитавшаяся дождевой влагой, теперь неприятно липла к телу, нагоняя озноб. Понимая, что в такую погоду простудиться проще простого, он поспешил скрыться в купальне, надеясь согреться и смыть с себя дневную усталость.